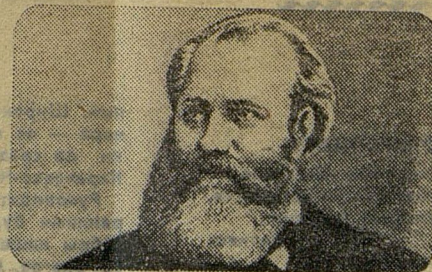
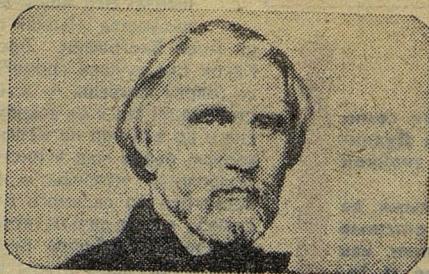

ПОИСКИ
И НАХОДКИ

Иван Тургенев и Шарль Гуно

ГОДА четыре назад в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина на выставке французского искусства я увидел листок почтовой бумаги со штампом Национальной библиотеки (Париж). Тут же, через стекло витрины, я прочел и переписал этот автограф. По-французски там было написано:

«Вторник, 5 сентября 83 года.
Дорогая Полина!
В глубине Нормандии узнал я о раздирающем душу несчастье, которое поразило вас, — о смерти нашего прекрасного и дорогого Тургенева. Вам известно, принимаю ли я участие в вашей горе; печаль моя сливается с глубоким чувством любви, которую вы к нему питали. Всем сердцем с вами, Шарль Гуно».

Выдающийся французский композитор, автор опер «Сафо», «Фауст», «Ромео и Джульетта», в молодости был очень дружен с И. С. Тургеневым. Они не только часто встречались, но временами жили под одним кровом, у прославленной певицы Полины Виардо. Тургенев тогда уже признавал молодого музыканта, еще не известного публике, истинно великим художником, а себя — «поверенным его творческих мук» и заявлял, что любит Гуно, как отца, хотя они были ровесниками (оба родились в 1818 году). «Его настойчивость и упорство в работе приводят меня в восторг», — говорил Тургенев.

Несколько лет назад в Париже вышел обильный сборник неизданных писем Тургенева к Полине Виардо. Полностью этот том еще не известен советскому читателю. Часть писем относится к первой половине 1850 года, когда Тургенев готовился к возвращению в Россию. В эту пору он особенно был дружен с композитором. Гуно работал над первой своей оперой — «Сафо». Главную партию в ней должна была исполнять Полина Виардо. И опера, и ее молодой творец глубоко интересовали певицу. Она жаждала известий о Гуно и во время своих продолжительных зарубежных гастролей получала подробные и красочные отчеты от Тургенева. Письма эти имеют немалый интерес для творческой биографии обоих классиков мирового искусства.

Они цитируются здесь в моем переводе с французского.

10 АПРЕЛЯ 1850 ГОДА
ТУРГЕНЕВ СООБЩАЛ ПОЛИНЕ ВИАРДО:

«Известие о смерти этого бедняги, брата Гуно, должно было вас сильно огорчить. Я непременно думал об этом все последнее время. В эту минуту вы

ему, вероятно, пишете. С ним я вижу ежедневно. Чувствует он себя неплохо... Мы с ним в прошлую пятницу, как раз накануне кончины его брата, долго беседовали... На следующий день я иду к нему, ничего не подозревая; мне открывает дверь с испуганным видом какая-то незнакомая женщина... Входит Гуно и говорит мне: «Ах, друг мой, моего брата уже нет в живых!» Долго оставались мы вместе; по временам он вставал и уходил к матери. Явился старик-священник с почтенной физиономией; он пытался утешить Гуно, говоря о блаженстве, которое, по всей вероятности, уготовано для покойника, ибо не сколькими днями ранее он причастился святых тайн. И что же! уверяю вас, что, несмотря на отличнейшие намерения доброго старца, все это звучало фальшиво, и, главное, насколько не ослабило скорби Гуно...»

Я стараюсь, насколько могу, быть ему полезным; останусь здесь я еще четыре—пять дней; уеду лишь тогда, когда увижу, что он снова твердо стоит на ногах...»

«ЧЕТВЕРГ

Гуно чувствует себя хорошо... Полагаю, что как только он оправится, то тотчас же примется за работу».

«ПЯТНИЦА, ВЕЧЕР

Гуно я сегодня дома не застал. Оставил ему записку, в которой назначаю ему свидание на улице Дуэ завтра. Полагаю, что в

воскресенье в восемь часов вечера уеду. Паспорт мой в порядке, мои вещи наполовину уложены. И тем не менее я не уверен... Мне совестно покидать Париж, удерживает меня здесь главным образом Гуно...»

«СУББОТА, ВЕЧЕР

Сегодня я виделся с Гуно на улице Дуэ (он сказал мне, что писал вам). Мать его принимает ваше предложение приехать в Куртавель, как только установится хорошая погода, и я страшно рад и за нее, и за Гуно. Другое предложение неисполнимо вследствие множества соображений (я говорю о перемене местожительства). Гуно должен был вам их изложить... В то же время я решил остаться в Париже еще на неделю; я смогу видеться с Гуно чаще, чем до сих пор, а данное мне обещание показать то, что он уже сочинил до настоящего времени, может заставить его вновь приняться за работу... Вам незначит советовать мне быть ДОБРЫМ к Гуно: я питаю к нему истинную дружбу...»

«ВТОРНИК, 7 МАЯ 1850 ГОДА

Гуно передал мне вашу записку, дорогая госпожа Виардо... К стати о музыке: Гуно сочинил оду Алкея*, это поистине великолепно — и по стилю, и по колориту. Немало придется ему

поработать, чтобы превзойти самого себя, когда он должен будет заготовлять то, что предстоит петь Сафо, но я его считаю способным на это. Однако посмотрим, посмотрим...»

«16 МАЯ

Вот я возвратился в дорогой Куртавель... Добрый Гуно приехал встречать меня...»

«ВОСКРЕСЕНЬЕ

Итак, я был прав, говоря, что он возьмет реванш: для вас он изыскал нечто прекрасное. Вашей роли он до сих пор не касался. То, что он написал, исполнено порыва, это благородно и насыщено патетикой, именно той нежной и проникновенной патетикой, которая свойственна именно ему. Чего не хватает немного Гуно — это блестящей, народной стороны; его музыка — словно храм: она не открыта для каждого прохожего. Поэтому я полагаю, что при первом же своем появлении он приобретет себе восторженных поклонников и будет иметь огромный успех в публике как музыкант, но восторженная популярность, скачущая и резвая, как вакханка, не бросится ему на шею; я думаю даже, что он всегда будет пренебрегать ею...»

Его столь оригинальная в своей простоте меланхолия, которую под конец начинаешь с такой нежностью любить, не имеет тех блестящих форм, которые вгрызаются в слух: он не пленяет, не веселит аудиторию — он

не ласкает ее; Гуно имеет в своей гамме множество тонов, но все, что он сочиняет, вплоть до вакхической песни — такой как «Чокнемся бокалами», несет на себе печать возвышенного; он идеализирует все, чего касается, — но ведь, подымаясь в высь, покидаешь людские массы... Впрочем, возникновение такой музыкальной натуры, как Гуно, среди этого множества одаренных вульгарным остроумием талантов, понятных не вследствие своей ясности, а из-за своей тривиальности, есть нечто столь редкое, что нельзя не приветствовать ее как счастливое событие. Мы много говорили обо всем этом сегодня утром. Он себя знает настолько хорошо, насколько человек может знать себя. Я рекомендую ему особенно усердно работать над партией Гликерии; что же касается Сафо, то я знаю, что из его рук она выйдет прекрасной и великой. Я отнюдь не думаю, что Гуно обладает комическим даром, но, в конце концов, человек есть именно то, что он есть, как сказал Гёте. Однако вы можете себе представить, с каким нетерпением он вас ожидает — мы все вас ожидаем (я говорю теперь лишь с музыкальной точки зрения). Могу сказать, что Мы вас ожидаем, ибо, присутствовал и теперь еще присутствуя при родах Сафо, я питаю к ней совершенно особый, почти отцовский интерес. Чувствую, что нас связывает дружба, дружба истинная; мне кажется, Гуно доволен тем, что я нахожусь рядом с ним. Но приезжайте, приезжайте, и вы увидите. То, что он сочинил сегодня, поистине прекрасно, и мне кажется, что в вашем исполнении это будет вызывать трепет. Приезжайте только, и вы увидите...»

«ПАРИЖ, 24 ИЮНЯ 1850 ГОДА

Я получил превосходное письмо от Гуно. У него золотое сердце. Его мать и мадемуазель Берта обращаются ко мне с исполненными любви словами. Никак не думал, что обо мне так сожалеют. Я тронут этим до слез... Ах, друзья мои, сердце, покидающее вас, кровоточит до полного истощения...»

Публикация
Леонида ЛАНСКОГО

* Персонаж оперы «Сафо».